

Фу Гэ почти рухнул к могиле Фу Цинняня, оступившись на скользкой глине, едва не сбил дыхание, упал, больно ударившись коленями о мокрые камни.

Ци Хань почувствовал, как что-то внутри резко сжалось, как каждая жилка в теле содрогнулась от этой картины. Хотел подойти. Хотел сказать хоть что-то. Но... не смог.

Разрушил жизнь его сына — и теперь заявиться перед отцом? Встать у этой могилы, как ни в чём не бывало? Какое право он вообще имел?

Фу Гэ не позвал его. Не позвал и Сяо Цзюэ.

Он никогда не кричал в отчаянии, не бился в истерике — ни тогда, когда его ломали, ни тогда, когда он сам рвал прошлое на куски.

Как и сейчас.

Фу Гэ медленно подполз ближе, стянул куртку и аккуратно набросил её на плиту. Как будто пытался согреть того, кто давно не чувствует холода. Потом тихо обнял холодный, гладкий камень.

— Папа... прости, что я так поздно. Как ты там... один?

Человек, который при жизни блистал, которого уважали, которого боялись, о котором говорили шёпотом и сдержанным восхищением, после смерти был заброшен, оставлен, стёрт из памяти.

Глаза защипало. Он быстро моргнул, прогоняя влагу, и улыбнулся. Так, что это выглядело ещё хуже, чем если бы он плакал.

— Не волнуйся. Я хорошо живу. Всё в порядке.

Голос чуть дрожал, но он продолжал:

— Спокойно вырос. Стал выше. Поправился. Дом есть, семья есть. Любимый человек, который... заботится. Сын, храбрый и такой... такой хороший.

Фу Гэ стиснул пальцы, вдавил ногти в ладони.

— Просто я так скучаю... так... так сильно... — выдохнул он, улыбаясь, но голос уже срывался.
— Если бы ты был рядом... если бы ты не ушёл... разве всё это... разве они бы посмели?..

Ответа не было.

Но теперь он уже не был ему нужен.

Прошлое — уже прошло. Боль, страх, обида — всё осталось позади.

Мёртвые уходят, как падающие осенние листья, их уже не вернуть, их нельзя удержать. А если горевать слишком долго, если снова и снова цепляться за теневые отголоски прошлого, это станет якорем, что привяжет их к земле, не давая спокойно уйти в круговорот перерождения.

И это было бы настоящей, величайшей из всех несправедливостей.

Фу Гэ сидел у могилы долго, очень долго.

Он рассказывал отцу всё, что приходило в голову, всё, что не успел сказать за эти годы. Как в семь лет занял первое место на конкурсе школьных газет, как вчера, гуляя с Сяо Цзюэ, чуть не заблудился, как в детстве боялся грозы, а теперь любит дождь... Перечислял каждую мелочь, каждую деталь, не упуская ничего.

Только об одном умолчал. Ни слова о тех пяти годах, что были похожи на затянутую, бесконечную ночь.

Только перед самым уходом он обернулся и посмотрел на Ци Ханя.

Альфа тут же улыбнулся — подумал, что это приглашение. Даже шагнул было вперёд, но в тот же миг Фу Гэ отвернулся.

Его пальцы скользнули по гладкой поверхности камня, взгляд опустился.

— Это он вас нашёл, — тихо произнёс он, и в голосе было что-то неуловимо мягкое.

А потом усмехнулся.

— Помните его? Мне было восемнадцать, и я просил вас... просил унести его подальше.

Когда человек загнан в угол, когда у него не остаётся выбора, он цепляется за всё, что может дать хоть каплю надежды. За богов, за духов, за умерших.

Все пять лет Фу Гэ молил во снах, шептал беззвучно в пустоту: «Пожалуйста, помоги мне. Забери его. Убей его.»

Он прижался лбом к выгравированному на камне портрету отца, закрыв глаза.

— Я передумал... — голос дрогнул. — Не забирай его. Пусть останется со мной.

Он стоял на коленях до самого рассвета.

Альфа не сдвинулся с места. Просто молча ждал рядом, даже не пытаясь уговорить его подняться.

Когда Фу Гэ наконец пошевелился, он пошатнулся, ослабленные ноги подкосились, и он, не удержавшись, рухнул прямо в его объятия.

Ци Хань мгновенно подхватил его.

— Я... поговорил с папой, — голос Фу Гэ был тихим, почти беззвучным.

Альфа задержал дыхание.

— О чём?..

Фу Гэ улыбнулся, но глаза его оставались усталыми, наполненными чем-то бесконечно глубоким.

— Я сказал ему... что ты — мой человек. Что мы будем вместе всю жизнь. Что он не должен тебя винить... даже если видел то, что не должен был.

Что-то внутри Ци Ханя оборвалось.

Всё это время он жил с этим страхом — страхом, что даже после смерти отец Фу Гэ презирает его, ненавидит, что однажды, когда их пути всё же разойдутся, когда смерть неизбежно разлучит их, Фу Циннянь будет ждать его по ту сторону, чтобы забрать с собой в ад.

Но Фу Гэ сказал это так легко. Так просто. Как будто его прощение было чем-то неоспоримым.

В горле вдруг пересохло, дыхание сбилось, а в груди что-то дрогнуло и затрещало, будто хрупкое стекло под пальцами.

Он опустил голову и медленно, осторожно коснулся губами его лба.

— Гэ... — шёпот срывался с губ, клятва проскользнула в ночь, затерявшись среди шороха листвы. — Клянусь... я всю жизнь буду любить тебя.

Фу Гэ не ответил. Просто закрыл глаза и потерял сознание.

Ци Хань подхватил его, поднял на руки, а потом, прежде чем уйти, глубоко, низко склонился перед могилой Фу Цинняня.

Он знал, что Фу Гэ, скорее всего, решит перенести могилу.

Поэтому заранее приказал поставить палатки на границе рыбацкой деревни и гор, заранее вызвал Ци Чуаня и команду специалистов, заранее продумал всё до мельчайших деталей.

Фу Гэ даже не нужно было просить. Он знал его лучше, чем кто-либо.

Ци Чуань прибыл к полудню следующего дня.

Лагерь уже жил своей жизнью: члены экспедиции отдыхали, переговаривались между собой, а несколько местных рыбаков устроились неподалёку, пытаясь продать свежий улов.

Сяо Цзюэ с энтузиазмом разглядывал добычу, переминаясь с ножки на ножку, и вдруг радостно завопил, потрясая в руках живым кальмаром:

— Дядя, гляди! Какая страшная рыба!

И ровно через секунду раздалось сочное “пфу!”

Чёрная, густая, липкая струя чернильной жижи угодила прямо ему в лицо.

Весёлая улыбка тут же исчезла под слоем тёмного пятна, на свету блеснули только неровные, ещё детские зубки. Малыш пощёлкал губами, всхлипнул, потёр глаза, не понимая, что случилось, и жалобно захныкал:

— У-у-у... дядя, я ослеп...

Ци Чуань согнулся пополам, хохоча так, что едва не свалился с места.

А когда Сяо Цзюэ попытался ползть к нему за утешением, тот вытянул руку и оттолкнул его в сторону:

— Стой-стой! Только не трогай меня!

Но перед тем как вытереть племяннику лицо, он, разумеется, успел со всех ракурсов заснять

этот исторический момент.

Сяо Цзюэ, весь чумазый, с прищуренными глазами и упрямо выпяченной нижней губой, недовольно пробормотал:

— Ты — вредный... с пылью и дымом!

Ци Чуань всё ещё посмеивался, но всё же спросил:

— Ладно, малец, а где твои папки?

Малыш демонстративно отвернулся, всем своим видом показывая, что обижен и говорить не намерен.

— Ох, ну не дуйся, а? Давай так: ты мне скажешь — а я тебе конфетку.

Глазёнки мгновенно загорелись.

— Вон там! — бодро ткнул он пальчиком в сторону палатки.

— До сих пор там? — Ци Чуань нахмурился. Конечно, он не хотел врваться в чьё-то личное пространство... Всё же они только вчера вернулись с могилы. — А они чем заняты?

Сяо Цзюэ на секунду задумался, глаза лукаво сверкнули.

— Собрание проводят!

Раз так, можно не волноваться.

И тут же застыл.

Прямо перед ним — Фу Гэ, полулежащий на постели, а над ним — Ци Хань, который только что оторвался от его губ.

А потом:

Ци Хань, чьё лицо даже не дёрнулось, молниеносно схватил одеяло, укрыл Фу Гэ до подбородка и бросил глухо, но с угрозой, от которой воздух будто сгустился:

— Вон.

Ци Чуань, всё понимающий с первого взгляда, тут же развернулся:

— Уже ухожу.

Без всякой причины получить нагоняй — одно, но тут же увидеть виновника, который уже собирается смыться с добычей, — совсем другое. Ци Чуань рванул вперёд, схватил его за шкуру и рывкнул:

— Куда, заячья морда, побежал?!

Но не успел договорить, как осьминог, которого тот держал в руках, выплюнул ему в лицо густую чёрную струю.

Ци Чуань: «...»

Маленький Дзюэ: «О..О»

Что ж, мир не без справедливости. Хороший осьминог, знает, кого наказывать.

<http://bllate.org/book/14453/1278368>